

Василевский Виталий Петрович

СТУДЕНЧЕСТВО ОМСКА КАК ОБЪЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГПУ-ОГПУ

Деятельность органов ГПУ-ОГПУ в отношении студентов вузов недостаточно исследована историками. Это объясняется рядом обстоятельств: во-первых, закрытостью архивных документов советских спецслужб, касающихся форм и методов их работы; во-вторых, в последние годы стало модным изучать деятельность советских спецслужб исходя из проведения ими политики государственного террора в отношении отдельных групп населения. Студенчество, как социальная группа, не подвергалось такому масштабному террору, как другие социальные слои и группы. В отдельных работах, касающиеся деятельности нелегальных организаций молодежи в Сибири, деятельность этих организаций рассматривается в рамках антикоммунистического сопротивления населения региона в связи с политикой коллективизации [8, с. 529]. Другие аспекты работы советских органов государственной безопасности со студенчеством исследователями не изучены. Деятельность органов ГПУ-ОГПУ в отношении сибирского студенчества на протяжении 20-х гг. нуждается во всестороннем изучении.

Поскольку выпускники вузов пополняли ряды интеллигенции, деятельность органов ГПУ-ОГПУ в омских вузах являлась частью общегосударственной политики, направленной на формирование облика советской интеллигенции. Понять ее механизм можно только на уровне микроистории. С этой целью необходимо изучать работу региональных подразделений органов ГПУ-ОГПУ в конкретных вузах. В середине 20-х гг.

в Омске было три вуза: Сибирский институт сельского хозяйства и лесоводства, Сибирский ветеринарный институт и Омский медицинский институт. Цель данной работы – исследовать деятельность органов ГПУ-ОГПУ в отношении студентов Омска.

В 20-е гг. в документах партийно-государственных органов, студенчество подразделялось, с одной стороны, на социально чуждое коммунистической власти «старое студенчество» и его сторонников, и, с другой стороны, противостоящее им новое коммунистическое студенчество. Оно происходило из социальных низов. Главными задачами органов ГПУ-ОГПУ по отношению к студентам были: выявление и пресечение любых антикоммунистических, выражаясь языком того времени контрреволюционных выступлений, а также поддержка коммунистически настроенного студенчества с целью советизации специалистов.

Важнейшей формой работы органов ГПУ-ОГПУ в отношении студенчества являлось наблюдение за ним и информирование партийных органов о процессах в студенческой среде. Информация о социальном составе омского студенчества рассматривалась органами ГПУ-ОГПУ как оперативно-значимая. Чекисты постоянно отслеживали динамику социального состава омского студенчества и регулярно информировали о ней в своих сводках партийное руководство губернии и округа. В сводках также приводились сведения о ситуации в омских вузах, о политических настроениях студенчества и условиях его жизни, что свидетельствовало о повышенном интересе к жизни студенчества со стороны государства и его органов безопасности.

В начале 20-х гг. государственная власть последовательно очищала омские вузы от людей, активно боровшихся против большевиков в годы гражданской войны. Омгуботдел ГПУ в мартовской сводке за 1923 г. сообщал, что «...комиссией по очистке вузов, созданной на основании циркулярного распоряжения за № 288 ППГПУ по Сибири, удалены из вузов 32 бывших белых офицера» [5, с. 388]. Указанная работа проводилась под руководством органов ГПУ. Органами государственной безопасности был налажен оперативный учет бывших белых офицеров и их удаление из омских вузов, что позволило успешно выполнить циркулярное распоряжение вышестоящих чекистских органов.

В 1924 г. была проведена еще более масштабная чистка среди студенчества омских вузов от социально чуждых власти элементов. Омгуботдел ОГПУ в июньской сводке за 1924 г. докладывал ее результаты: «Работа по академической проверке вузов закончена. Проверку прошли 1930 студентов, подразделяющихся по своему социальному составу: рабочих – 18%, крестьян – 39%, служащих – 31% и прочих – 12%. Коммунистов по всем вузам около 12% и членов РКСМ около 8%. Из общего числа студентов исключены 329 человек, из которых членов и кандидатов РКП(б) – 6 человек и членов РКСМ – 4 человека. Последние исключены как академически неуспевающие. Настроение пролетарской части студенчества, находящегося в меньшинстве среди громадного большинства, в связи с чисткой заметно улучшилось. Последние, натерпевшись различных поражений от б/п (беспартийного, прим. автора – В. П.) большинства, находят чистку недостаточной. Б/п студенчество, оставшееся в вузах, свое отношение к чистке почти не выявляет, но с уверенностью можно предполагать, что симпатии последних на стороне исключенных. Со стороны же исключенных было слышно: Организуем группу, поедем за границу, надо принять выжидательную позицию, коммунисты пойдут на уступки... И если это не сделают, то Антанта предъявит ультиматум. Погодите, настанет пора...» [Там же, с. 465].

Помимо наблюдения за студенчеством и удаления из его среды социально-чуждых элементов, органы безопасности советского государства выявляли в студенческой среде любые оппозиционные выступления.

Пресечение контрреволюционных выступлений осуществлялось органами ГПУ-ОГПУ на индивидуальном и групповом уровнях. На индивидуальном уровне, как правило, речь шла об антисоветской агитации – любых неорганизованных антикоммунистических высказываниях студентов. Информация о них собиралась через агентурный аппарат и официальные контакты из администрации вузов, фиксировалась и доводилась до партийных органов.

Авторы антикоммунистических высказываний брались в оперативную разработку. Например, в одной из чекистских сводок за 1926 год о состоянии интеллигенции Омска говорилось, что «противосоветской агитации со стороны студентов, кроме одного случая, не наблюдалось. Студент III курса мединститута Пестов, который в разговоре с другими студентами высказывался, что у РКП сколько-нибудь сносных перспектив нет, что компартия больше всего занимается болтовней, что она не сможет восстановить промышленность без иностранного капитала, а эту помощь иностранцы не оказывают. Говорил также, что беспартийные студенты находятся в крепких тисках партийных организаций и что-либо возразить коммунисту не позволяет боязнь за свою шкуру. Осведомители характеризуют Пестова как типичного интеллигента и к тому же политически неразвитым (за Пестовым установлено наблюдение)» [1, д. 53, л. 166]. Сотрудники ОГПУ успешно выявляли студентов, недовольных коммунистической властью, и через свою агентуру в вузе брали их под негласный надзор.

В дальнейшем, судьба у таких студентов могла быть разной: от исключения из вуза до привлечения к уголовной ответственности за антисоветскую агитацию.

О любых организованных групповых антикоммунистических выступлениях среди студенчества органы государственной безопасности в обязательном порядке информировали местное партийное руководство. Так, в сводке Омгуботдела ГПУ от 16-23 февраля 1923 г. «О положении в губернии», местное партийное руководство ISSN 1997-292X № 5 (43) 2014, часть 1 51 подробно информировалось об оппозиционно настроенной группе студентов мединститута. В документе говорилось: «Политнастроение учащихся вузов удовлетворительное. Группировок антикоммунистического направления не замечалось, за исключением мединститута, где среди студентов 4-го курса выявилась группа около 10 человек, резко оппозиционная существующему Совету студенческих представителей, руководимому всецело коммунистами. 14 февраля эта группа, по окончании лекций, вопреки положениям о студенческих сводках, не предупредив курсового старосту, устроила сходку 4-го курса, на которой был поставлен вопрос об оказании материальной помощи одному из студентов определенно монархического направления. Президиум и пленарное заседание Совета студенческих представителей признали эту сходку незаконной и вынесли ее участникам порицание. После означенного эта группа, однако, не успокоилась, а собрала вторую сходку, на которой постановила отозвать из совета представителя 4-го курса, коммуниста, который по заданию бюро комячейки руководил работой Совета студенческих представителей. Бюро комячейки и ячейка в целом, принимая во внимание разлагающее влияние указанной группы на студенчество, вынесли постановление в отношении двух ее руководителей, неоднократно замеченных в действиях антикоммунистического характера, пойти с ходатайством в академический центр о немедленном их исключении из института без права поступления в вузы республики» [5, с. 361]. Такое детальное изложение сложившейся ситуации в группе недовольных студентов свидетельствовало о хорошей информированности сотрудников ГПУ. Это могло быть достигнуто только благодаря профессионально организованной агентурной работе в вузах.

Уже в начале 20-х гг., омское студенчество находилось под тотальным контролем органов ГПУ-ОГПУ, отслеживавших и пресекавших любое инакомыслие. Агентурный аппарат, созданный чекистами в омских вузах, позволял наблюдать за поведением каждого студента, отслеживать любые групповые проявления оппозиционности по отношению к режиму, удалять оппозиционно настроенных студентов из вузов, не давая им доучиться. Действуя через органы государственной безопасности, власть не допускала пополнения рядов советской интеллигенции нелояльными к ней людьми. Следует согласиться с мнением В. И. Шишкина, утверждающего, что «уже в начале 20-х годов в Советской России существовали государственный аппарат и карательные органы, способные осуществлять политику тотального контроля над обществом. Существовали не потенциально, существовали реально. Дело было только за директивами

центрального руководства и за благоприятной ситуацией для того, чтобы этот аппарат запустить в действие» [7].

К середине 20-х гг. органы ОГПУ достигли заметных успехов по работе в отношении студенчества во всесоюзном масштабе. В докладной записке руководства ОГПУ в ЦК ВКП(б), подготовленной летом 1926 г., отмечался «упадок антисоветской деятельности студенчества», который объяснялся «ликвидацией организованной контрреволюции в вузах в предыдущие годы, неуклонным ростом пролетаризации вузов, улучшением материального положения студенчества и серьезной академической нагрузкой последнего» [4, с. 76].

В конце 20-х – начале 30-х гг. в связи с коллективизацией, сопровождавшейся массовыми репрессиями в отношении не только крестьянства, но и других групп населения, в студенческой среде стали проводиться массовые репрессии. Сотрудники ОГПУ стали выявлять многочисленные студенческие контрреволюционные организации, которые якобы готовили вооруженные восстания. Для анализа деятельности органов ОГПУ омского Прииртышья в отношении студенчества будет интересен «Обзор Секретного отдела ПП ОГПУ по Сибирскому краю о состоянии и деятельности интеллигенции на территории Сибирского края» за первую половину 1930 г. В документе приводились сведения о 6 студенческих контрреволюционных организациях, раскрытых органами ОГПУ по Сибирскому краю. Они были ликвидированы в Омске, Таре, Томске (две) и Бийске (две) [1, д. 109, л. 29]. Характеризуя оппозиционные студенческие организации как явление краевого масштаба, составители обзора указывали: «Антисоветская часть учащейся молодежи высших, средних и низших учебных заведений не находится в состоянии покоя, она живет и во всей широте отражает весь тот ожесточенный процесс классовой борьбы, который происходит между могуче-строящимся социализмом и отмирающим капитализмом. Все эти нелегальные организации и группировки учащейся молодежи, несмотря на их организационную несвязанность, – сходятся на основном – на подготовке вооруженного восстания против диктатуры пролетариата под лозунгом организации демократического государства и дарования демократических свобод всем обиженным и ущемленным пролетарской революцией» [Там же, л. 34-35].

В Омске органами ОГПУ была раскрыта крупная организация студенчества вузов города, называвшаяся «Российская Партия Народного Права» (РПНП). Возникновение РПНП чекисты относили к 1927 г., когда, по их данным, студентами Омского мединститута В. А. Чевалковым и Г. Н. Петровым были выпущены первые призывные листовки к студентам. Район деятельности организации – г. Омск (центр организации), Омский, Бийский, Славгородский округа и Ойротская область. Во главе организации стоял Сибирский центральный комитет Российской ПНП, в состав которого входили В. А. Чевалков – сын попа, Г. Н. Петров – сын учителя-кадета, Д. М. Кедо – сын крестьянина, служивший в белой армии, В. В. Ивашко – сын мещанина. Далее шли окружные организации, во главе которых должны были стоять окружные комитеты. Низовым звеном ПНП являлись ячейки, построенные по принципу пятерок. Целью и задачей ПНП являлась

подготовка вооруженного восстания против Советской власти и создание буржуазно-демократического государства.

Организация имела свою нелегальную типографию. Социальный состав организации – дети бывших людей, мещан, буржуазной интеллигенции, попов, кулаков. Но наряду с этим, в организации имелись дети крестьян, крестьян-середняков и даже бедняков, обманутые ложной агитацией. По делу осуждено 52 человека на разные сроки, из них 6 человек приговорены к расстрелу [Там же, л. 30-31].

К разработке чекистами РПНП обратился А. Г. Тепляков: «У организации были шрифт и четыре гектографа в домашней типографии, с помощью которой активисты напечатали и распространили свыше 3000 резких антикоммунистических листовок. Так, в ночь на 7 ноября 1929 г. в Омске было тайно разбросано не менее 300 прокламаций; 9 ноября аналогичные листовки (48 штук) были обнаружены на вагонном тормозе поезда, прибывшего из г. Татарска на ст. Купино. РПНП информировала о только что проведенных расстрелах крестьян по политическим обвинениям, призывая население вооружаться и восставать против коммунистов с целью возврата к рыночным отношениям и политическим свободам. Авторы были обнаружены достаточно быстро, так что уже 23 апреля 1930 г. Коллегия ОГПУ рассмотрела дело на 81 человек. Сибирские чекисты постарались представить РПНП в качестве разветвленной организации, но к качеству их работы в Москве подошли критически – в отношении 29 человек дела прекратили, а шестерым засчитали срок предварительного заключения. Руководители – В. А. Чевалков, Г. Н. Петров, Д. М. Кедо, В. В. Ивашко, А. П. Панарат и М. С. Семенов – пошли под расстрел, 10 участников – получили ссылку, все остальные – от двух до 10 лет концлагеря» [6, с. 217-218].

В связи с вышеуказанным делом, которое начали разрабатывать сотрудники ОГПУ в Омске и закончили сотрудники ПП ОГПУ по Сибирскому краю в Новосибирске, выскажем ряд соображений.

Сомнительно, что в конце 20-х гг. после того, как студенчество уже почти 10 лет находилось под тотальным контролем партийно-государственного аппарата, куда входили и органы ОГПУ, вдруг массово появились студенческие организации, готовившие вооруженное выступление против государственной власти. При анализе дела РПНП и подобных ему дел следует учесть акцент, сделанный чекистами на социальном происхождении активистов студенческих организаций, фактически одновременное раскрытие типичных организаций на территории Сибирского края, время, когда разрабатывались данные организации (коллективизация, вызвавшая широкое недовольство в стране, действительно обострившая антикоммунистическую борьбу населения с властью). Все это признаки того, что данные дела возникли в связи с политическим заказом партийно-государственного руководства.

В конце 20-х – начале 30-х гг. органы ОГПУ проводили очередную кампанию по очистке сибирских вузов от социально чуждых элементов. Ее особенностью был организованный государственный террор по отношению к

представителям студенчества. Массовое выявление антикоммунистических студенческих организаций в сибирском крае (в том числе и в Омском Прииртышье) происходило в результате оперативной работы сотрудников ОГПУ с агентурой из студенческой среды. Информаторы ОГПУ выявляли недовольных властью студентов.

Затем они либо внедрялись в существующие группы, провоцируя рост радикализма взглядов их участников, либо, в рамках оперативных комбинаций, группировали вокруг себя недовольных, создавая антикоммунистические организации по указанию своих кураторов. Омское дело РПНП стало самым крупным из сфабрикованных сибирскими чекистами студенческих дел. В настоящий момент все осужденные по делу РПНП реабилитированы.

При этом нельзя отрицать наличия в студенческом сообществе молодежи, недовольной политикой партии.

К концу 20-х гг. недовольство в обществе коммунистами усилилось в связи с политикой коллективизации. Исследователь В. И. Исаев, обратившись к истории нелегальных молодежных организаций в Сибири в 20–30-е гг., отмечал, что «проявления молодежного экстремизма в Сибири были многообразны» [2, с. 59]. В результате деятельности сотрудников органов государственной безопасности выявлялись и удалялись из студенческого сообщества идейные противники существующей власти. Материалы дела РПНП свидетельствуют, что расстрелянные члены партии осознанно шли на участие в антисоветской организации, печатали и распространяли антикоммунистические листовки, вели антисоветские разговоры. В конце 20-х – 30-х гг. это были серьезные преступления.

Проводимая с начала 20-х гг. деятельность органов ОГПУ по укреплению позиций коммунистического студенчества к концу 20-х гг. принесла желаемый для правящей партии результат. Беспартийное студенчество перестало играть в вузах значимую роль. В уже упомянутом «Обзоре Секретного отдела ПП ОГПУ по Сибирскому краю о состоянии и деятельности интеллигенции на территории Сибирского края» сообщалось о «нездоровом явлении во взаимоотношениях партийно-комсомольской массы с беспартийной массой учащейся молодежи высших, средних и низших учебных заведений, доходящим до того, что партийнокомсомольская часть учащейся молодежи пренебрежительно, по-барски относится к беспартийной молодежи, и в результате чего наблюдается почти полный разрыв во взаимоотношениях» [1, д. 109, л. 25]. В таких условиях беспартийное студенчество не видело перспектив для своего социального и научного роста.

Как говорил омский студент Ремизов (его слова в качестве примера привели в обзоре чекисты), «... тяжелая у нас обстановка, все на тебя смотрят волком, приходится говорить, да оглядываться... Сами себя контрактуют, выдвигают при кафедрах, а нам ходу нет» [Там же, л. 27].

Интересно, что чекистская информация о доминировании коммунистического студенчества совпадала с оценками оппозиционно настроенных студентов, призывавших студенчество к борьбе с коммунистами.

В листовке РПНП ситуация в студенческой среде характеризовалась следующим образом: «В нашем государстве называют крупные политические события. Но для вас, товарищи студенты, все это проходит незаметно. Вы совершенно не интересуетесь жизнью своей страны, жизнью нашего народа, не задумываетесь над всей жизнью. Вам совершенно все безразлично. Вы буквально плывете по волнам чуждого и ложного течения. Вы совершенно не стараетесь разобраться в настоящей жизни и не можете сказать, правильно она устроена или нет. Вы без сопротивления отдались в руки компартии, и она, не встречая препятствий, легко вас деморализовала. Взгляните на свою студенческую жизнь. Вас, беспартийных, большинство, но вами управляет партийное меньшинство. Все делается так, как хотят компартия и комсомол, хотя это часто бывает противно внутреннему желанию беспартийной массы. У вас совершенно нет свободной мысли, да ей и незачем появляться, так как высказать ее нельзя. Вам, беспартийные студенты, нельзя свободно собираться и объединяться, потому что это не нравится правительству. Вы РАБЫ, потому что имеете хозяина – компартию, которая вам приказывает, и вы должны повиноваться и не рассуждать» [3, д. 57, л. 125]. В своей листовке члены РПНП отметили доминирование коммунистов и комсомольцев в студенческой среде на общем фоне аполитичности большинства беспартийных студентов, подчинившихся режиму.

Таким образом, благодаря деятельности органов ГПУ-ОГПУ в отношении омского студенчества, происходило удаление из студенческого сообщества социально чуждых, оппозиционных по отношению к власти студентов. На ведущие роли в студенческом сообществе выдвигались коммунистически ориентированные студенты из социальных низов, настроенные на поддержку существующего режима, благодаря которому для них открывались возможности социального роста. Выпускники вузов пополняли состав интеллигенции, поэтому работа органов государственной безопасности в отношении студенчества являлась частью политики государства по формированию советской интеллигенции. В результате деятельности чекистов, она формировалась с желаемым для коммунистов политическим сознанием, легко управляемая партийно-государственным аппаратом.

Список литературы

1. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп.3.
2. Исаев В. И. Нелегальные организации молодежи в Сибири в 1920-е – начале 1930-х гг. // Политические партии, организации, движения в условиях конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2000. Ч. 2. С. 55-59.
3. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. П-7. Оп. 3.

4. Красильников С. А. Политические настроения послереволюционной интеллигенции в обзоре ОГПУ (лето 1926 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1996. № 2. С. 72-80.

5. Строго секретно. Омское Прииртышье в политических информационных сводках 1920-1930 гг. Омск:

ООО «Мир увлечений», 2011. 592 с.

6. Тепляков А. Г. Непроницаемые недра: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918-1929 гг. М.: АИРО-XXI, 2007. 288 с.

7. Шишкин В. И. Советская карательная политика в Сибири в начале 1920-х годов [Электронный ресурс].

URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/1999Shishkin.htm> (дата обращения: 24.01.2014).

8. Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.): монография. Омск: Изд-во ОмГПУ; Издательский дом «Наука», 2008. 612 с.

OMSK STUDENTS AS OBJECTIVE OF ACTIVITY OF STATE POLITICAL DIRECTORATE BODIES

— — —

The article investigates the forms of the activity of the State Political Directorate bodies of Omsk in relation to students.

The research testifies that state security bodies observed students through agents' apparatus, identified opposition-minded students and removed them from higher education institutions, informed party organs about the social structure, living conditions, political attitudes and any oppositional statements of Omsk students. As a result of the activity of the State Political Directorate bodies, communist-minded students predominated in the higher education institutions of Omsk.

Key words and phrases: state security bodies; the State Political Directorate; Omsk higher education institutions; students; development of soviet clerisy.

Омский государственный технический университет . vasilevskiy-vitaliy@mail.ru